

Скачко Анна Владиленовна

кандидат юридических наук,
старший преподаватель
Краснодарского университета МВД России

**ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ЗА ТАМОЖЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
СОВЕРШЕННЫЕ С ПРИМЕНЕНИЕМ
НАСИЛИЯ К ЛИЦУ,
ОСУЩЕСТВЛЯЮЩЕМУ ПОГРАНИЧНЫЙ
ИЛИ ТАМОЖЕННЫЙ КОНТРОЛЬ:
ПРОБЛЕМЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ**

Аннотация:

В статье рассмотрены дискуссионные вопросы конструирования квалифицированных составов контрабанды оружия, наркотических средств и психотропных веществ, а также уклонения от уплаты таможенных платежей по признаку применения насилия к лицам, осуществляющим пограничный или таможенный контроль.

Ключевые слова:

таможенные преступления, контрабанда, таможенные платежи, насилие, дифференциация ответственности, санкция.

Skachko Anna Vladilenovna

PhD in Law, Senior Lecturer,
Krasnodar University of
the Ministry of Internal Affairs of Russia

**RESPONSIBILITY
FOR THE CUSTOMS OFFENCES
COMMITTED WITH FORCE
TO A PERSON EXERCISING BORDER
OR CUSTOMS CONTROL:
DIFFERENTIATION
PROBLEMS**

Summary:

The article discusses debatable questions of classifying the smuggling of arms, drugs and psychotropic substances, as well as evasion from customs duties on the basis of application of force to persons exercising border or customs control.

Keywords:

customs crimes, smuggling, customs payments, violence, differentiation of responsibility, sanction.

Краткий анализ криминальной ситуации в сфере противодействия контрабандным преступлениям и уклонению от уплаты таможенных платежей как видам таможенных преступлений [1, с. 23] позволяет выделить наиболее характерные негативные тенденции.

Общероссийские количественно-качественные показатели исследуемого вида преступлений за последние три года свидетельствуют, что наиболее сложная криминальная ситуация складывается в сфере противодействия контрабанде наркотиков (ст. 229¹ УК). Рост числа осужденных за последние три года составил 250 % (в 2012 г. – 226, в 2014 г. – 569). Так, в 2012 г. по ст. 229¹ УК было осуждено 226 лиц, в 2013 г. – 555, в 2014 г. опять наблюдаем рост числа осужденных – 569. Виновным в совершении этого вида преступлений суды назначали достаточно строгие наказания: к реальному лишению свободы были осуждены 404, к лишению свободы условно – 94, к штрафу – 56, к ограничению свободы – 9, к исправительным работам – 6.

Высокие показатели осуждения наблюдаются и по ст. 226¹ УК (контрабанда оружия и иных предметов): соответственно осуждено в 2012 г. – 71, в 2013 г. – 159, в 2014 г. – 261. К реальному лишению свободы были осуждены 39 человек, к лишению свободы условно – 187, к штрафу – 33, к ограничению свободы – 1, к исправительным работам – 1.

При этом необходимо отметить, что внешнеэкономическая и внешнеполитическая обстановка в настоящее время еще более осложнена введением США и странами Европейского союза экономических санкций против России и последовавшими адекватными ответными мерами с ее стороны. Подобная ситуация, несомненно, будет способствовать значительному увеличению контрабандного, несанкционированного ввоза и вывоза товаров. Следовательно, решение проблемы со стороны государства в сложившейся ситуации заключается в принятии *упреждающих мер усиления пограничного и таможенного контроля.*

Однако реализация этого решения потенциально чревата опасностью усиления противодействия введенным ограничениям, вплоть до применения контрабандистами насилия в отношении должностных лиц пограничной и таможенной службы, осуществляющих свои контрольные полномочия. Законодатель предусмотрел эту ситуацию, сконструировав квалифицированные составы контрабандных преступлений и уклонения от уплаты таможенных платежей по признаку *применения насилия.* Вместе с тем особенности законодательных подходов к дифференциации уголовной ответственности за эти преступления вызывают определенные вопросы. Так, до принятия Федерального закона от 07.12.2011 № 420-ФЗ, которым была исключена ст. 188 УК РФ

«Контрабанда» и внесены радикальные изменения в ст. 194 УК РФ «Уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица», применение насилия в качестве квалифицирующего признака имело место только для контрабанды. Этот состав был закреплён в п. «в» ч. 3 ст. 188 УК – контрабанда, совершенная с применением насилия к лицу, осуществляющему *таможенный* контроль. Санкция этой нормы предусматривала лишение свободы на срок *от 5 до 10 лет*.

После исключения ст. 188 «Контрабанда» из системы Уголовного кодекса РФ рассматриваемый квалифицирующий признак включен уже в три статьи. При этом обоснованность такого решения законодателя и установленные им пределы дифференциации уголовной ответственности за насильственное противодействие должностным лицам пограничной и таможенной службы достаточно спорны. Рассмотрим особенности преломления данного квалифицирующего признака, нашедшего отражение в этих статьях: контрабандные действия (ст. 226¹, 229¹ УК) за уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица (ст. 194 УК).

1. Законодатель сформулировал квалифицированный состав контрабанды всех видов огнестрельного оружия, ядерных материалов, стратегического сырья, особо ценных диких животных и др., совершенной с применением насилия к лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль, в п. «б» ч. 2 ст. 226¹ УК. Санкция этой нормы предусматривает лишение свободы на срок от 5 до 10 лет.

При рассмотрении данного подхода к дифференциации ответственности за контрабанду мы выделяем два момента. Во-первых, законодатель расширил круг адресатов применения насилия при совершении этого преступления. В редакции п. «б» ч. 3 ст. 188 УК РФ речь шла только о лицах, осуществляющих *таможенный* контроль. Включение представителей *пограничной службы* в перечень потерпевших при контрабанде оружия вполне логично. В то же время, как нам представляется, закон неоправданно ограничил круг *адресатов* угрозы насилием или реального применения физического насилия, не включив в число потерпевших лиц, близких этим должностным лицам. В ряде статей Особенной части УК РФ, направленных на охрану интересов государственной власти и лиц, ее осуществляющих, законодатель включает и близких этих лиц, представляющих наиболее уязвимое место человека (дети, супруги, родители). И вполне резонным решением законодателя будет дополнение диспозиции рассматриваемой нормы указанием второго адресата применения физического или психического насилия, то есть *близких сотрудников таможенных и пограничных органов*.

При конструировании анализируемого состава законодатель применил неконкретную формулировку рассматриваемого квалифицирующего признака – «применение насилия». Этим он поставил перед практическими работниками несколько проблемных вопросов: а) дифференцировать тяжесть насилия в соответствии с установленными нормами права градацией степеней насилия; б) определять характер насилия (физическое или допустимо и психическое), положенных в основу построения санкций соответствующих норм.

Первый, достаточно сложный вопрос, продиктованный принципами законности и справедливости, связан с дифференциацией ответственности в зависимости от тяжести причиняемого насилия в соответствии с установленными нормами права градацией степеней насилия [2]. От этого будет зависеть и квалификация насильственных посягательств, совершаемых против сотрудников таможенных и пограничных органов. Виды насилия закреплены в Медицинских критериях определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека: в п. 6, 7, 8 – насилие, опасное для жизни или здоровья (ст. 111, 112, 115 УК), в п. 9 – насилие, не опасное для жизни и здоровья (ст. 116 УК).

Представителями теории и практики уже неоднократно было отмечено, что законодатель в уголовном законодательстве, игнорируя отмеченную выше градацию насилия, довольно свободно оперирует понятиями, включая в тот либо иной состав преступления признак «с применением насилия» [3, с. 85–86]. К сожалению, это достаточно распространенный прием законодательской техники формирования уголовного закона.

Подобный подход законодателя к конструированию составов соответствующих преступлений создает трудности при квалификации насильственных преступлений. Законодатель использует такие терминологические обороты введения признака «насилие» в диспозиции норм, которые предоставляют правоприменительным органам слишком широкие пределы для их вменения [4, с. 263–268]. Так, Л.В. Иногамова-Хегай отмечает: «В ряде статей УК РФ в качестве обязательного образующего состав или квалифицирующего признака состава преступления предусмотрены “насилие или угроза его применения”, “насилие, не опасное для жизни и здоровья, или угроза применения такого насилия” и “насилие, опасное для жизни и здоровья, или угроза применения такого насилия”. Понять, как правило, что охватывается насилием, исследуя признаки

диспозиции, невозможно» [5, с. 25]. В таких случаях правоприменителю необходимо анализировать и сравнивать пределы санкции соответствующих норм и решать, охватывается ли примененный виновным вид насилия данным составом. В противном случае совершенное деяние необходимо квалифицировать по совокупности преступлений.

Ответ на *второй вопрос* вытекает из системного анализа норм, в которые законодатель включил насилие в качестве признака состава преступления, в том числе контрабанды. По мнению Л.Д. Гаухмана, «под термином “насилие” подразумевается только физическое насилие. Если же предусматривается ответственность за угрозу применения насилия, то это специально оговаривается в диспозиции уголовно-правовой нормы» [6, с. 75]. Следовательно, законодатель в анализируемых нормах ограничил квалифицирующий признак только физическим насилием [7, с. 19–20]. Как отмечают А. Коробеев и А. Ролик, пределы ответственности, установленные для основного состава контрабанды (ч. 1 ст. 226¹ УК), достаточно высокие. Поэтому, видимо, законодатель и принял решение ограничить квалифицирующий признак только физическим насилием [8, с. 41].

С подобным подходом законодателя вряд ли можно согласиться, так как угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью – достаточно серьезное преступление и повышает степень опасности деяния, которое она сопровождает. Например, при нанесении контрабандистом побоев (ст. 116 УК) сотруднику пограничной службы следует квалификация по п. «б» ч. 2 ст. 226¹ УК. Но при угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК) сотрудника пограничной службы деяние будет квалифицировано по ч. 1 ст. 226¹ УК. В то же время степень общественной опасности угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью значительно более высока, чем нанесение побоев. Для устранения этого несоответствия уголовно-правовой оценки подобных деяний целесообразно дополнить рассматриваемый квалифицированный состав признаком *угроза применения насилия* [9, с. 41].

В качестве аргумента в пользу такого решения служат и особенные черты *потерпевшего* в рассматриваемом квалифицированном составе контрабанды. Необходимо иметь в виду, что законодатель внес коррективы в определение круга лиц, отнесенных к категории сотрудников таможенного контроля [10]. В соответствии с Федеральным законом от 13 июля 2015 г. № 262-ФЗ утратила силу часть 19 ст. 323 ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации». Должности работников таможенной службы теперь включены в число должностей федеральной государственной службы иных видов. Поэтому на них распространяется примечание к ст. 318 УК РФ, регламентирующей ответственность за угрозу или применение насилия в отношении представителей власти или их близких [11, с. 10–12].

Максимальные пределы санкций отмеченных норм равны (10 лет лишения свободы). Поэтому в случае применения насилия к представителю таможенного или пограничного контроля, опасного для жизни и здоровья, имеет место требующая разрешения конкуренция двух норм (п. «б» ч. 2 ст. 226¹ и ч. 2 ст. 318 УК). Возможны два варианта ее разрешения. Первый связан с правоприменением, то есть путем квалификации по совокупности ст. 226¹ и 318 УК РФ. Но наиболее оптимальный вариант мы видим в уточнении редакции этого квалифицированного состава контрабанды – *применение насилия, опасного для жизни и здоровья, либо угроза применения такого насилия к лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль, или его близким*.

2. Принципиально иной подход законодатель продемонстрировал применительно к регламентации ответственности за контрабанду наркотических средств и психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов с применением насилия к лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль. Санкция уголовно-правовой нормы, сформулированной в п. «в» ч. 4 ст. 229¹ УК, предусматривает лишение свободы уже на срок *от 15 до 20 лет* или *пожизненное* лишение свободы. Первое, на что нельзя не обратить внимания, – это труднообъяснимое соотношение законодательной уголовно-правовой оценки рассматриваемого квалифицированного состава контрабанды наркотических средств или психотропных веществ (максимально 20 лет лишения свободы или пожизненно) и контрабанды, например, оружия массового поражения (максимально 15 лет лишения свободы). Контрабанда оружия отнесена к особо тяжким преступлениям против общественной безопасности и, как нам представляется, обладает более высокой степенью общественной опасности по сравнению с контрабандой наркотиков.

Проблема дифференциации уголовной ответственности в зависимости от степени опасности насилия свойственна и для данного вида контрабанды. А. Коробеев и А. Ролик считают, что законодатель в ч. 4 ст. 229¹ УК предполагает только насилие, опасное для жизни и здоровья, подтверждением чему является очень жесткая санкция. При этом в случае причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, за которое предусмотрено лишение свободы до 15 лет, должна следовать квалификация по совокупности п. «в» ч. 4 ст. 229¹ и ч. 4 ст. 111 УК [12, с. 41].

По сути позиции указанных авторов считаем необходимым обратить внимание на два момента. *Во-первых*, «предположения» в уголовном праве, как представляется, неприемлемы, они не могут быть положены в основу практического применения нормы, соответствующей квалификации совершенного преступления, и, наконец, назначения наказания. *Во-вторых*, нельзя согласиться с предлагаемой квалификацией контрабанды с применением насилия по совокупности п. «в» ч. 4 ст. 229¹ и ч. 4 ст. 111 УК, так как санкция первой нормы значительно строже второй, которая формулирует квалифицирующий признак. По общепринятым правилам в подобных случаях квалификации по совокупности не может быть.

3. Законодатель сконструировал квалифицированный состав уклонения от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица, по признаку применения насилия к лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль. Санкция за это преступление устанавливает сроки лишения свободы точно такие же, что и ранее за контрабанду, совершенную с насилием, – *от 5 до 10 лет*.

При рассмотрении подхода к дифференциации ответственности за данный вид насильственного таможенного преступления с неизбежностью возникает принципиальная проблема. Нарушения таможенного законодательства в части уклонения от уплаты таможенных платежей ни в теории, ни в практике традиционно не связывали с фактическим незаконным перемещением товаров через таможенную границу государства. Некоторые авторы даже относят это преступление к группе таможенно-налоговых, с чем трудно не согласиться, конечно отмечая определенную специфику. Соответственно, уклонение от уплаты таможенных платежей объективно не может предполагать применение насилия к представителям пограничной или таможенной службы. Силовое воздействие на этих лиц возможно *только при незаконном контрабандном перемещении товаров через таможенную или государственную границу*.

По нашему мнению, законодателем в данном случае допущена существенная нестыковка содержания основного (ч. 1 ст. 194 УК) и особо квалифицированного (п. «б» ч. 3 ст. 194 УК) составов преступления. Уклонение от уплаты таможенных платежей в его классическом понимании путем насилия над пограничником или таможенником звучит как минимум парадоксально. Поэтому полагаем целесообразным исключить п. «б» из ч. 3 ст. 194 УК РФ.

Ссылки и примечания:

1. Качкина Г.П. Контрабанда как таможенное преступление : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2003.
2. См.: Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека : приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 24 апреля 2008 г. № 194н // Российская газета. 2008. № 188. 8 сент.
3. Рарог А. Обозначение насилия в Особенной части УК РФ характеризуется чрезвычайной терминологической пестротой // Уголовное право. 2014. № 5.
4. Прохорова М.Л. Наркотизм: уголовно-правовое и криминологическое исследование. СПб., 2002.
5. Иногамова-Хегай Л.В. Конкуренция норм уголовного права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999.
6. Гаухман Л.Д. Насилие как средство совершения преступления. М., 1974.
7. Шарапов Р.Д. Физическое насилие в уголовном праве. СПб., 2001.
8. Коробеев А., Ролик А. Борьба с наркоконтрабандой: проблемы законотворчества и правоприменения // Уголовное право. 2014. № 6.
9. А. Коробеев и А. Ролик также считают вопрос об уголовно-правовой оценке психического насилия при контрабанде открытым, требующим законодательного разрешения. См.: Коробеев А., Ролик А. Указ. соч. С. 41.
10. См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения видов государственной службы и признании утратившей силу части 19 статьи 323 Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации» : федер. закон от 13 июля 2015 г. № 262-ФЗ // Российская газета. 2015. № 6725. 16 июля.
11. Антонов Ю. О необходимости сравнения санкций ст. 318 и статей гл. 16 УК РФ в случае применения насилия в отношении представителя власти // Уголовное право. 2014. № 5.
12. Коробеев А., Ролик А. Указ. соч. С. 41.

References:

1. Kachkina, GP 2003, *Smuggling as a customs offense*, PhD thesis abstract, Vladivostok.
2. See: 'On approval of the medical criteria determine the severity of damage caused to human health: the order of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation of April 24, 2008 № 194n' 2008, *Russian newspaper*, no. 188, September 8.
3. Rarog, A 2014, 'Designation of violence in the Special Part of the Criminal Code is characterized by extreme diversity of terminology', *Criminal Law*, no. 5.
4. Prokhorova, ML 2002, *Narcotism: criminally-legal and criminological research*, St. Petersburg.
5. Inogamova-Khegai, LV 1999, *Competition rules of criminal law*, D.Phil. thesis abstract, Moscow.
6. Gaukhman, LD 1974, *Violence as a means of committing a crime*, Moscow.
7. Sharapov, RD 2001, *Physical abuse in criminal law*, St. Petersburg.
8. Korobeev, A & Roilk, A 2014, 'Combating drug smuggling: problems of lawmaking and enforcement', *Criminal Law*, no. 6.

9. A. Korobeev and A. Rolik also consider the question of the criminal law assessment of mental violence in the smuggling of open, requiring a legislative solution. See.: Korobeev, A & Rolik, A 2014, 'Combating drug smuggling: problems of lawmaking and enforcement', *Criminal Law*, no. 6, p. 41.
10. See: 'On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation to clarify the kinds of public service and Repeal of section 19 of article 323 of the Federal Law "On Customs Regulation in the Russian Federation": Feder. Act of July 13, 2015 № 262-FZ' 2015, *Russian newspaper*, no. 6725, July 16th.
11. Antonov, Y 2014, 'On the necessity of comparison of sanctions Art. Articles 318 and Sec. 16 of the Criminal Code in the case of violence against a government representative', *Criminal Law*, no. 5.
12. Korobeev, A & Rolik, A 2014, 'Combating drug smuggling: problems of lawmaking and enforcement', *Criminal Law*, no. 6, p. 41.